Жар. Её колотил безудержный жар. Ломал её тело, заставлял стонать и болтаться на столе в петлях. Когда ей приносили еду и насильно кормили - её рвало, несмотря на сильную подавленность данного рефлекса. Чисто ради того, чтобы она не захлебнулась в собственной рвоте, её даже по-особому перевязали - попарно связанные руки и ноги перекинули на одну сторону, а затем - натянули за тали… через живот с другой стороны, чтоб не крутилась.

Она не любит делать это "сзади"! И помимо банальных предпочтений и личных капризов есть тому, млять, как минимум одна не зависящая от неё самой причина - там она не слишком прочна. Ей порвали кишки… И вся эта грязь, вся кровь и семя вылились ей в брюшную полость, из-за чего у Шаос началась жестокая лихорадка. Вот неужели она, миленькая и такая махонькая ехидночка, которая безнаказанно позволила отрезать себе крылышки и ни слова не сказала против того, чтобы они воспользовались теплотой её пухлявого тела, не заслужила того, чтобы её хотя бы в жопу драли с капелькой нежности?! Суки…

Но один положительный момент в этом всё-таки можно было найти - на какое-то время, но от неё отстали, ибо трахать её в этом состоянии не было никакого желания и не ровен час она бы могла сдохнуть, если бы они решили её помучать ещё каким-нибудь иным способом. А мёртвый дамианец через какое-то время становится дамианцем свободным, чего они допускать не хотели…

Впрочем, совсем без этого тоже не обошлось - однажды ей пришлось отсосать… ежели уж точнее - к её губам приставили член, а после - выдрочили в него семя. Обильно так, смачно заляпав ей всю мордашку, что она потом вся потная в этой луже и уснула. А по пробуждению - едва смогла разлепить глаза да приподнять голову, волосы на которой прочно присохли к столу - в этот момент она стала свидетелем чего-то странного. Подвал снова был освещён, а значит - здесь были люди. И при этом не абы кто, а та самая женщина в сопровождении двух сыновей, один из которых был полностью лысым, а кожа его имела неестественный красный цвет. Тот самый ублюдок, которого не смогла спалить Хатакри. И ровно тогда, когда ехидна смогла бросить на них мутный взгляд, то они сняли с той подозрительной двери замок и…

Из-за двери вырвался смрад застарелой смерти, что горло Шаос скрутило в очередном спазме надвигающейся рвоты. Ей хотелось закрыть себе нос, каким-либо образом перекрыть себе воздух и не дышать - но всё было бесполезно. Запах выбивал из неё слёзы и сам дух, настолько он был силён!.. Но до того, как организм подал бы защитную команду к отключению, та троица вышла наружу, за крюки и верёвки таща за собой че… человеческий обрубок. Человеческий торс, лишённый рук и ног, а также многих иных кусков плоти: у него отсутствовала большая часть лица, куда входили глаза, щёки и уши, до кости обкромсаны плечи и срезаны практически все мышцы груди. Также были начисто выскребены и внутренние органы - его грудную клетку вскрыли, многие рёбра - выломаны и ныне щерились острыми обломками.

И к некоему, пусть и жалкому облегчению, Шаос не смогла опознать в этом сильно изуродованном теле кого-либо из знакомых ей людей - а в частности, это была не Райзи. Это был мужчина… и быть может, находись он в чуть более хорошем состоянии, а малость близорукая ехидна не была бы связана в едва освещённом подвале, то она смогла бы узнать в нём того самого охранника, что не так давно не явился на смену. Думали, что он остался в городе, искать потерянных родных, а вот нет - его поймали на пути из особняка и сожрали…

Дамианка заскулила. Натянула руки и ноги, пока верёвка не впилась ей в живот, и попыталась… попыталась… она не знала, что она могла сейчас сделать, а поэтому просто лишь уткнулась в стол лицом и начала в голос скулить.

- Аааа, очнулась? - Остановилась подле скулящей ехидны та дама. - Григорий, а подойди-ка сюда. Оставь тушу брату, он сам справится.

- Пустите нас… Я обессяю, никто о вас не узнает!..

- О, она такая смешная! Просит их отпустить.

Женщина опустила руку в карман, чтобы выудить оттуда мутно-зелёную бутылочку, внутри которой плескалась некая белая жидкость. И с забавным звуком сдёрнула с неё пробку.

Сквозь запах тухлятины пробился новый аромат - горький, растительный.

- А тё это?.. - Вновь подала голос ехидна. Но выслушивание её вопросов не подразумевалось.

- Нееет, малышка. Вы убили моего сына. И за это… - Конечно же, он, как бы, своими действиями того более чем заслужил, но стоило ли ожидать, что безумцы с гиблого болота могли допускать подобные мысли? - …вы здесь сгниёте. Вы обе - ты и та тщедушная девчонка. Я вам обещаю, что смерть вам покажется в радость.

А после, без всяких слов, просьб и дополнительных намёков, Шаос вывернули мордахой наверх и насильно раскрыли рот могучими ладонями, чтобы матушка смогла влить туда пригоршню этого горького вещества. И будь оно проклято, но Шаос сопротивлялась. Она даже добилась того, что упёрлась в ложку языком и сильно качнула её, расплескав этим всё содержимое!.. Ведь дамианка поняла, что это было - её намеревались опоить так называемым цветочным молочком. Соком некоего растения, что не просто туманил собой мысли, но и “разъединял” их с телом, из-за чего оно превращалось в кусок покорного мяса. Кое-как способного мыслить и чувствовать, но лишённого всякой возможности действовать. Её как-то драли под таким! И не раз! Но оказываться под этим эффектом в руках долбаных каннибалов она не могла себе позволить, а поэтому вся скуксилась, голосом законючила и пустила изо рта горькую на вкус слюну - лишь бы только не глотать!

Но играться с ней никто не собирался. Её самым бесхитростным способом приложили головою о стол и грубо сунули бутылочку прямо меж губ. И чуть глубже, чтобы она не смогла затыкать горлышко своим ехидновским язычком.

- Вот и славно. Пей. Прими свою участь в забвении.

Горький сок омыл ей корень языка… И лёгкими поглаживаниями по горлу её через силу заставили сделать несколько полных глотков, словно бы отказывающуюся принимать пилюлю

кошку. И сразу же почувствовалось то, как по телу её начала распространяться расслабляющая волна холода, а язык стал таким… будто бы большим и неповоротливым!..

Боль и жар начали отступать. Страх - тоже… Её ждало забытье…

***

По своему возвращению, Кевин Пигвик был полностью обескуражен открывшейся ему картиной. Его жилище, что он оставил без присмотра всего на каких-то пол дня, было не просто разграблено - оно было самым варварским образом разгромлено. Неведомые падонки разгулялись на славу. Они с особой, истеричной яростью били стёкла, срывали со стен полотна и ломали внутреннее убранство - ничего не говоря о таких банальных дверях, но кусками были вырваны даже деревянные панели со стен, чтобы в назидание оказаться сваленными в общую кучу прямо по центру земли и превращёнными в огромное кострище, в жаре которого было сожжено и расчленённое на куски тело подвешенного гиганта.

Как же это было похоже на то, что нынче творилось и в самом городе - слепая обида и невозможность дотянуться до тех, кто действительно за всё ответственен, нередко оборачивается расправами над невиновными… Конечно, при этом он не мог не чувствовать облегчения при мысли о том, что напавшие не смогли попасть в его святыню, исцарапав, но так и не открыв стальных дверей, но это было лишь малым ему утешением. Пропажа ценностей и лишение большей части имущества в действительности беспокоили его не настолько сильно по сравнению с тем, что они похитили его семью. Его родного сына, его жену и обеих служанок. Уж по крайней мере он надеялся на то, что они всё ещё живы, ибо тел их поблизости обнаружено не было.

Но какая бы злость и нетерпение не съедали его изнутри, он был вынужден ломать руки и часами околачиваться вокруг отделений стражи, каждый раз планомерно получая отказы: их присутствие сейчас как никогда требовалось здесь, в городе. Свой протест выказывали и наёмники, большинство из которых по факту были согнаны к этой поганой башне, чтобы с ней же и уйти под землю. Где-то по городу, размахивая плакатом "Жизни наёмников также важны!", ходила и Брилль, живая лишь волею (безволием) пьянствующего волшебника и напоившего его тем утром карлика.

Поэтому довольствоваться многим Кевину не приходилось. И он, нанимая в городе различных безбашенных парней, начал планомерно охаживать окрестные болота - в первую очередь подозрение естественно пало на живущие там семьи, ибо подобное варварство и похищения людей были в их вкусе. С другой стороны - имелся факт грабежа. И ладно, допустим, что не все из них проявляют это показательное пренебрежение к материальным благам, но как всё было исполнено! Эти ублюдки отыскали и крайне профессионально вскрыли практически всего его сейфы! Не ломая их, нет! А будто бы сидели и подбирали коды к замкам, пока по соседству ломали стулья и подтирали задницы занавесками!

Что же… но раз зашла тема, то стоит получше пояснить за то, что из себя представляли эти земли в более широком смысле, чем могла это знать и видеть привыкшая лишний раз не включать голову ехидна. А также - их горемычные обитатели.

Ранее это место действительно было сельским пригородом. Множество хозяйств, засаженные культурами участки, счастливые и трудолюбивые люди, но после было решено отдать это место под отравленные воды, чтобы сам город в них же не захлебнулся. Деваться действительно было некуда и людей выводили, давали обещания возместить весь ущерб, выдать новую землю или жильё в самом городе, но покидать родные дома согласились не все. И естественно, бъядь, что отказывались это делать как раз-таки наиболее странные из семей, из-за чего это место и оказалось заселено исключительно кончеными маргиналами - порядка двадцати семейств в полуразваленных лачугах посреди прогнивших болот, где нет ни дорог, ни мостов и ни каких-либо ориентиров. Некоторых из них он знал, о существовании же других - не имел и понятия.

Теперь Кевину предстояло всё это место самым доскональным образом прочесать. А учитывая, что видеть его здесь не хотели - нередко приходилось идти на открытый конфликт. Какой-то жалости он при этом не чувствовал, но наёмники получали раны, их приходилось менять - и всё это лишь сильнее затягивало процесс, из-за чего поиски сильно растягивались во времени… Однако, если так было нужно, то в своей упёртости он был готов провести в этом краю не одну неделю. Обыскать лачугу каждого пьяницы, каждого невразумляющего имбецила и пиздящего свою жену и детей сторонника "строгих порядков". Его даже пытались женить, подсунув пару дочурок за каких-то там пятьдесят золотых. В случае же отказа грозились их утопить.

Кевин отказался и об их судьбе более ничего не знал, но когда уходил, то вопли слышал громкие. Надрывные. Быть может, всё дело было не только в отборе, но на этих людей как-то влияло и само болото? Кто знает... Но конечно же во время поисков он не мог обойти стороной и матушку Фагренду, как одно из самых известных здесь семейств. Матушку Фагренду и пару десятков её сыновей, лишь шестерым из которых было за двадцать, а остальные в максимуме своём достигали тринадцати. То есть - родились уже после смерти Айиса, из-за чего можно было выстроить как минимум несколько теорий о том, каким же образом это семейство так быстро росло. Особенно при том условии, что ни о каком "папаньке Фагренде" известно не было, а дочерей у неё по какой-то причине тоже не водилось… Но если она просто нарожала такую толпу от своих же сыночков - это было бы ещё безобидно. Тут все так делали, наверное…

- Матушка Фагренда! - Громко выкрикнул Кевин Пигвик, что в сопровождении пятерых крепких парней встал напротив кривой, многократно достроенной и перестроенной хибары, за забором которой резвилась бесчисленная детвора лет так от трёх и выше. Он вдарил тростью о калитку, чтобы привлечь к своей персоне внимание, и повторил свой запрос: - Матушка Фагренда, я прошу уделить мне несколько минут!

Один из старших сыновей, в это время сидевший на скамье у самого крыльца и мимоходом ковырявший некое поленце длинным ножом, обратил на пришлых тяжёлый взгляд. Вместе с чем остановились и дети. Они начали оглядываться, шушукаться. Указывать на странного мужчину и его охранников пальцами, смеяться.

- Кто-нибудь, прошу. Передайте матери, что её хотят…

- Чего тебе надо, человек с птичьим лицом? - Брякнув кривою дверью, из веранды вышла глава семейства. Всё такая же некрасивая, немного мужиковатая и воняющая луком грымза. А за ней - два огромных лба. Причём - практически идентичных близнеца. Наиболее наглядная

разница имелась в шрамах да степени поломанности носов. И они угрожающе прятали руки в карманах штанов, под тканью которых угадывались очертания неких длинных, негнущихся предметов. К слову - речь была не о членах.

- Я прошу простить меня за такое внезапное вторжение. Я знаю, у нас был уговор о том, что мы не лезем в дела друг друга, но того требуют обстоятельства! - Говорить ему приходилось громко и зычно - подойти к ней ближе он не мог. Её угрожающая свита уже выстроилась за калиткой, а также к ним было обращено минимум пара десятков буравящих детских глаз.

- Херасе она настрочила тут… Она что, ехидна?

- Да, знавал я одну… - Тихо забубнили между собой "типа" наёмники.

- Возможно, вы могли знать, но не так давно моё имение подверглось нападению, в ходе которого было похищенно "кое что" особенно для меня ценное. И если бы у меня получилось эту пропажу вернуть - то я бы охотно забыл об этом маленьком, не очень приятном инциденте! Надеюсь, вы понимаете о чём я?

Женщина скривила морду в крайнем отвращении - она всем своим видом лучилась неприязнью к этому не менее безобразному, а во многом - даже более безобразному, чем она сама, человеку. Вместо же ответа она вытащила из кармана крупную луковицу и сочно вонзилась в неё зубами.

- Не примите это за личную обиду, но в случае отказа я не могу позволить себе уйти, предварительно не удостоверившись в том, что вы не держите членов моей семьи у себя. А учитывая тот факт, что вы занимаете эту землю не по закону города - вы не имеете права этому препятствовать. В противном же случае законы в принципе перестанут работать и ваше многочисленное семейство может значительно сократиться. Чего бы МЫ ВСЕ очень не хотели. Я же прав?

- Я не имею права здесь жить, сынок? Так это называется?

- Это карантинная зона. Не имея особого постановления, жить здесь не допускается. К вам относятся с нисхождением, позволяя!..

- Позволяя?! - Рыкнула она. И все, даже малые дети, подались вперёд с угрожающе выпяченными грудями. - Они ПОЗВОЛЯЮТ мне жить?! Я сделаю вид, что не слышала твоих гнусных слов! Я жила здесь всегда - и я буду жить здесь до тех самых пор, пока я здесь же не сдохну! Не моя вина в том, что эти ублюдки из совета решили превратить это место в помойку!

- Вам должна была быть предложена достойная компенса!..

- Пусть они в жопу засунут свои компенсации. Это моя земля и я никому её не уступлю! -

Женщина отхватила от луковицы достойный кусок и, прожевав его лишь вполовину, выплюнула на землю, метко попав у самых Пигвика. Настолько метко, что малые хлопья этого овоща повисли на его покрытых грязью ботинках.

Казалось, что точка невозврата была уже преодолена - "сыновья" уже были готовы броситься на пришлых со смертным боем, чтобы просто похоронить их под мясом!.. Пришлых, что уже и сами были готовы дать ответный бой в намерении не щадить никого.

Но только что находясь в приступе ярости - женщина скрипнула истёртыми зубами и гадливо улыбнулась. И как по немой команде - всё напряжение ушло.

- А впрочем, я не буду вам препятствовать. - С заискиванием начала она. - Хотите всё здесь проверить? Валяйте. Мне и моим мальчикам скрывать нечего. Ведь так?

И они, невпопад, закивали. А после - расступились, предоставляя гостям возможность войти.

Кевин Пигвик, в сопровождении слишком малочисленной охраны, прошёл к дому - большому, ибо того требовало большое семейство, но кривому и сколоченному уже поверх некогда достойного основания. Вступили внутрь - на сырую, пахнущую плесенью веранду. Где подгнившие доски прогибались и громко скрипели под ногами. Где на небольшой, выложенной из камня плитке варилась некая похлёбка. С виду - мясная, но человеческих рук и голов там не плавало. То тут, то там на полу валялось какое-то тряпьё, а в самом уголку сидел совсем маленький, чуть ли не грудной мальчик и грыз... ну, обсасывал какую-то деревянную игрушку. Не жевал чей-то отрубленный палец - и уже хорошо.

Затем - вошли в сам дом... И тоже - с виду ничего странного. Обеденная с большим столом, спальни с множеством кроватей. Всё убогое, серое и вонючее, кругом из всех щелей волчьими глазками пялились какие-то мальчишки, тощие и оборванные. Пара десятков детей? Да нет, их тут было более трёх десятков и не меньше! Но ничего действительно заслуживающего пристального внимания найти не получилось. Как и не было обнаружено ничего из похищенного имущества, что дало бы понять, что они наведывались к нему в особняк. Матушка Фагренда тем сильно славилась - она в самом деле не ценила золото и прочие пёстрые побрякушки. Она это всё презирала.

- Вы что-нибудь заметили? - Обратился к нанятым Пигвик, когда они, под пристальным взглядом семейства, обошли все комнаты. И они ответили ему отказом. - Понятно... Послушайте, у вас есть подвал?

- Подвал? Есть ли и у нас, отринутых судьбою бедолаг, что вынуждены питаться с земли, подвал? - Матушка патетично закачала головой. Сыновья - зашушукались, засмеялись. Более старшие - с вызовом заулыбались. Если бы они захотели - Кевин Пигвик и его жалкая охрана никогда бы не покинули этот дом живьём. В данный момент их жизни всецело зависели от благосклонности пригласившей их женщины. Она могла позволить себе паясничать. - Что за глупости ты несёшь, птицеликий? Конечно, у нас есть подвал! Желаете на него взглянуть? Тогда пройдёмте вон, вход - снаружи.

И действительно - процессией в полтора десятка тел их вывели из дома, сопровождая к наклонной двери, что сиротливо приютилась у задней стены дома. Откинули двойные створки и вступили вниз с парой быстро обмотанных факелов.

Сырая тьма расступилась, предоставляя вид на ряды пыльных, вполовину пустых стеллажей, на которых зижделись немногочисленные мясные и овощные закрутки. На шкафы и укрытые тканью ящики, редкие из которых полнились картошкой, репой и прочими овощами хотя бы на треть. Жили они здесь крайне скромно: местные земли едва могли уродить достойный урожай и нередко приходилось экономить провизию, разделяя общие пайки по мере нужды.

Но снова - никаких пленников здесь не было. Не только вдоль одних лишь стен, но всё пространство подвала было чем-то занято.

Кевин переглянулся со своей командой - и пусть те не выражали особой заинтересованности в поисках, они всё же разбрелись по углам, проверяя стены и вымощеный досками пол на возможные скрытые ходы.

Ощущение безнадёги усилилось - и здесь они не нашли ничего…

- А мясо у вас откуда? - Поинтересоаался некто из мужичья.

- У нас есть небольшой свинарник. Но чаще мы просто ловим крыс по болотам. Вы что, и его хотите осмотреть?

- Мы бы не отказались! - Приободрился Кевин, почуяв небольшой, но свет надежды.

Свет надежды, вынужденный тут же угаснуть - свинарник представлял из себя убогий, ничем не крытый заборчик, где в луже грязи барахталось несколько тощих свинюшек.

Здесь они тоже никого не нашли.

http://erolate.com/book/412/81801